

Апрель - 73

И. ЗАВОЛОТНЕВА

НА ОЗЕРЕ

На Оленьем озере
Гнишна.
На приколе лодочка
Совсем одна.
Ждут волны ласково
Бережок.
Распростяла с Настенькой
Мил-другок.
Зорюшка-разлучница
Незнайка
Подсмотрела девичью
Грусть-печаль.
Да вздохнул украдкой
Кедр-старик,
Он к прощальным горестям
Не привык.
Снякли вдруг хвонючки
У сосны.
Ждут рыбачке милого
Две весны.

ТРАССЫ

Трассы — несметные песни.
Срок ударных вестей,
Вас рубили и строили
Рукн мох ровенников.
Сколько вас, трасс техных.
Одна с другою не схожих?
Вы — артерии жизни,
Очень простой и сложной.
Бегите, трассы, бегите.
К трудным далям шепчите,
Ценность лозских мозолей
Страницей возвратите.
Пусть побегут за вами
Песни, не спящие няни,
Новые и молодые —
Их запоют другие.

В. ВОРОБЬЕВ

С РАБОТЫ

Мчим по лежневке
привычной,
На болотах немало их, лент.
Вегер с кузова рвет
истерично
Убеленный морозом брезент.
До сих пор спины мокры от
пота:
Был в руках лом и
гаечный ключ.
Но горжусь я своею
работой —
Трогать вышками
холодность туч.
Марши лестниц упруги и
шатки —
В небо вышку сегодня
вонзят,
Мы, как с тучи, с
кронблочной площадки
На таежный смотрели
разлив.
Заполняем страницы
событий...
Пусть сегодня и сдрейфил
иной.
Ждет сегодня тепло
общечитий,
Отдых с книгой и в клубе
книо.
АТС сыплет снежно
палью,
Словно всплески
февральской пурги...
Я в стиха свои вечером
вышло
Радость жизни и краски
тайги.

кила она руки на себя, бросила в Иртыш.

Но все толки-пересуды прекратил угрюмый старик Бобыль Яков, досматривавший за домом Анюты. Яков слыл не только в деревне, но и по всей округе знатным плотником и человеком редкой души. Когда-то он приютил у себя мальчишку без роду-племени. Мальчишку звали Андреем, а так как у него не было родных, то и прозвище пошло Безродный. С годами Яков обучил сироту своему делу. Полубился паренек жогалем Сосновки за руки золотые, за песню звонкую да мастерскую игру на балалаечке. И с виду паренек был пригож. Не одна девчонка заглядывалась на его русые кудри да синие, как небо, глаза.

Н. АЛЯСОВА

РАССКАЗ

БАЛАЛАЕЧКА

Только прошел однажды слух, что задумал Андрей жениться на Симаковой Анюте. Да и дом начал строить. А скрыть что-нибудь в Сосновке было невозможно: как если бы прошел слух до Иртыша, и люди не заметили его. Но только не пришлось сосновцам погулять на Андрюхиной свадьбе. Война помешала.

Побросали косьцы свои косы на премоках, клеверных, пахучих медом. Сложилы топоры плотники, бережно укладывая лес да плахи листяницы до лучших времен. Завыли с причетами да с проклятием Гитлеру бабы по деревням.

Вот уже собралась на проводах все молодежь у сруба Андрюхиного дома. Со всеми девчатами он переплелся по очереди, только на Анюту никакого внимания. Хотела бегать с вечерки от обиды. Только Андрей посреди круга сразу бросил плясать и громко окликнул:

— Поди сюда, Аннушка! — Сам протягивая ей балалаечку: — Дерю тебе балалаечку, береги ее, весели наших дечат да учишь играть так, чтобы к моему возвращению на нашей свадьбе с тобой балалаечка пела сама.

Вот так и ушел Андрей. Осталась Анюта названной невестой.

Трудными были военные годы. На быках по шесть-семь гектаров запахивала Анюта землекошки в день. Хотя и война шла, но молодежь есть молодежь. Не может жить она без песен да без любви. Песня для человека —

лекарство ото всех недугов. Запела людям в душу Анютыны песни под балалаечку. Приходили изрядке письма от Андрея. Незнамо для людей, что было в них писано. Но только Анюта на следующий день вместе с зоренькой будила песнями аско деревню, и летели они над Сосновкой, отдаваясь эхом по воде.

Но вот веселее зазвенели косы на лугах, застучали топоры, запахло сосной в деревне. Вернулись все, кому было суждено. Только от Андрея никаких вестей.

Реек стало слышно балалаечку. Людм видели, как Анюта по вечерам часами посматривала на другой берег Иртыша. А кого заметит, по вся встретится и, не дожидаясь голоса: «Лодку!» за-

грянет уключиннами на реке. А назад возвращается медленно-медленно. И, не вытаскивая весел, не привязывая лодки, волочит коську по земле, медленно бредет либо в сторону озера, либо к срубу Андрея.

А тут опять попопали слухи, что Андрей жин, но сплетней с войны вернулся. На хотел возвращаться в родные места, быть обузой для людей и для невесты своей. Где он находился, никто толком не знал. Услышала эту новость и Анюта. Крепче задумалась девка. И вот, упрямая, ушла искать Андрея. Обещала она старику вернуться в Сосновку — либо с Андреем, либо одна.

...Лизка, внимательно наблюдая за чужаками, резко выскокнула из укрытия. Прибежав в деревню, запыхавшимся голосом, сколько хватало духу, закричала: «Анюта Симакова вернулась!»

Через неделю праздновали свадьбу по всем обычаям Сосновки. И хотя Анюта была немолода годами, на ней была девичья фата. И старожилы утверждали, что измени в облики не было. Как на свадьбах заведено, кричали: «Горько!» Андрей поднимался первым, наощупь отыскивал плечи Анюты и неслесно, смущаясь целовал невесту. Держась за руки, они садились за стол врад. Это в Сосновке считалось доброй приметой.

А весна шла. Завелл птицами сосновый бор.

Н. ШАМСУТДИНОВ

Закурили.
Редеи стекла,
Омытая запястья вязкой.
Обтекала, пляла тайга,
Наобидно глазами вяза,
Что за прок в ней?
Ломиться в гнус,
Шлепать топью и — потом
митов —
Затаенную тишину
Разливать прилежным
матом?
И согласно скривился рот,
Неудличив, сухой — напротив:
«Что романтика наплет
О горячих сердцах и
броднях?»
Положитесь на эту зыбь,
Затененную катюшоном.
И зашелся в тоске язык,
Моей близостью
вспокоенный:
«Обратите внимание на
Ноздреват, близкую стоек,
Под ногами облакающий наст,
Обжаошайной чистотой.
Только здесь, непременно
здесь,
Передраг и бурь не изведив.
Так насыщен покоем жест
Каждой в спляку залегающей
ветки.
За два дня не узнать тайги,
Не поить ее. Ну да ладно,
Но хотя б на хвое споткнулся
Молодым изумленным
взглядом.
Малахитовые с торца,
Голубые к подножью
сосны —
Как веселая кисть творца
По ветвям наследила
солнцем.
Ну, а если это связать
С тгачком, вертолетным
трем.
Ничего не увидишь за
Голубыми домами, гарью.
Накатаи на тайгу вездеход.
Всю его — в перепелках
красных,
Пролитую, тугою — взял
Да представил ее кариксом.
И от этого, одурь смяв,
Нарягаешь, корвяю, трудно,
Развернуло мою мысль
К прорастающей арматуре.
Геометрия вас родит,
Необжитность и крохотность
формы.
Наполд вас один редник
Выводилых природой
формулы.
Ну, тайга, где твой азыный
лоб?
Как выматывают они
просины,
Оттеняя твою чело,
Голубые морщины просек!
Разве то, что в ушах висит,
Сердце гордости
растирив, —
Это листья твоих багвы
Мяжкий ветер перебиривет?
Нет! Окажиной дремуч.
Пыльный шорох былого
тракта,
Напиривший фарой туч,
Перемалывает наш трактор.
И на наших тугих костраж
Завораживая, мерцаю,
Закипает твоя пора,
Первой зеленой переливаясь
Только это, приливую
к глазам,
Изумленным, смущенным
глядцем
Не дает нам пути назад,
Чтоб оглядываться да
охлаждаться.
Оттого-то редуют мхи,
Бьют фонтаны, алоют
домны
Наливается силой мир,
Точно писан с моей ладони.

Молодым изумленным взглядом. Малахитовые с торца, Голубые к подножью сосны — Как веселая кисть творца По ветвям наследила солнцем.

Ну, а если это связать С тгачком, вертолетным трем. Ничего не увидишь за Голубыми домами, гарью. Накатаи на тайгу вездеход. Всю его — в перепелках красных, Пролитую, тугою — взял Да представил ее кариксом. И от этого, одурь смяв, Нарягаешь, корвяю, трудно, Развернуло мою мысль К прорастающей арматуре. Геометрия вас родит, Необжитность и крохотность формы. Наполд вас один редник Выводилых природой формулы. Ну, тайга, где твой азыный лоб? Как выматывают они просины, Оттеняя твою чело, Голубые морщины просек! Разве то, что в ушах висит, Сердце гордости растирив, — Это листья твоих багвы Мяжкий ветер перебиривет? Нет! Окажиной дремуч. Пыльный шорох былого тракта, Напиривший фарой туч, Перемалывает наш трактор. И на наших тугих костраж Завораживая, мерцаю, Закипает твоя пора, Первой зеленой переливаясь Только это, приливую к глазам, Изумленным, смущенным глядцем Не дает нам пути назад, Чтоб оглядываться да охлаждаться. Оттого-то редуют мхи, Бьют фонтаны, алоют домны Наливается силой мир, Точно писан с моей ладони.

Л. ЗАШИХИН
Летом солнце,
Чистый шалунишка,
Раскосматив
Золотые прядки,
То бежит к бунильничкам
На вышку,
То играет со стволами
В иртыки.
На ходулях бродит
Не опухше,
Неарком падает
В ручей,
Отдыхать садится
На верхушки,
Чтоб послушать сказки
Кедрачей.

ТЕЛЕВИЗОР

Иван Сергеевич Подкокольников сидел в кресле, держал в руках журнал с юмористическим рассказом и возмущался:

— Черт знает что! Юмористический рассказ называется — плакать хочется! И ведь деньги еще за это получают пи-са-те-ли! Да и я... Да что я, любой дураи и то смешнее придумает!

Иван Сергеевич отвел душу и перевернул страничку. На следующей странице было напечатано: «Объявляется конкурс на лучший юмористический рассказ. Приглашаются все желающие. Премия триста рублей!»

Иван Сергеевич крикнул и почесал затылок: «Ишь, петрушка какая! Триста рубчинов — считай, это... новый телевизор!»

Он посмотрел в угол, представил, что там вместо старого телевизора стоит новый, и подумал: «Попробовать, что ли?»

Он вспомнил, как Трофимов, что живет в соседнем подъезде, шел сдавать посуду, поскользнулся и упал.

«Это и оншчу!» — решил Иван Сергеевич.

«Однажды Трофимов, что живет в соседнем подъезде, — старательно выводил он, — шел сдавать посуду, поскользнулся и упал!»

Иван Сергеевич поставил точку, перечитал и попробовал хихикнуть — не хихикалось.

«Да что же это такое! — начал нервничать он. — Ведь смешно же было! А может быть, это мне, автору, не смешно, а другой, может, от смеха лопнет?»

— Сним! — позвал Иван Сергеевич жену.

— Что? — откликнулась та на кухне.

— Тут вот, Сям, рассказ в журнале смешной напечатан, — прирал Иван Сергеевич и от смущения зарделся. — Вот послушай. — Он прочитал горло и начал читать: — «Однажды Трофимов, что живет в соседнем подъезде, — с выражением читал он, — шел сдавать посуду, поскользнулся и упал.»

Иван Сергеевич кончил и выждал паузу. Жена не смеялась. Молчала.

— Ну как тебе? — робко спросил он. — Понравилось?

— Брунда какая-то, — ответила жена.

— А вот автору, — обидеались, второй раз соврал Иван Сергеевич, — за этот рассказ телевизор дали.

— По шее ему нужно было дать! — бухнула жена.

Иван Сергеевич вздрогнул, потрогал за чем-то свою шею, посмотрел еще раз в угол и сказал:

— А у нас с тобой телевизор хоть и старый, а работает лучше другого нового.

В. КОКЛЮШКИН